

90216
Д-73

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАННЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Д. МАНСВЕТОВА

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЫПУСКЪ II и III.

Съ 8-ю полнотипажамъ въ текстѣ и 4-мя таблицами снимковъ.

МОСКВА.

1883.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. ИЗСЛѢДОВАНИЯ.

- О древнихъ русскихъ деньгахъ по русской правдѣ. Д. Ч. **С. А. Усова**. 89—104
Tariz notable de la cathedral de Gerona. Д. Ч. **С. А. Усова**. 105—114
Описаніе Тверскаго Музея. Д. Ч. **А. К. Жизневскаго**, съ примѣчаніями Гр. **А. С. Уварова**. 115—153.
Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда. Д. Ч. **А. И. Кельсиева**. 154—180.
Описаніе Сибирскихъ кургановъ и древностей Ч. **К. Н. М. Ядринцева**. 181—205.
(Таблицы къ этой статьѣ будутъ приложены къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ).

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

- Статьи: **Н. Я. Аристова** и **А. С. Павлова**.
Колоды. — Кропина. — Наволокъ. — Перъ. — Плищъ. — Потуга. — Прирость. — Прокладицы. — Рогатки. — Рядница. — Торова. — Унеинъ. — Уируга. — Успа. — Утлизна. — Харцизи. — Хлудъ. — Хозъ. — Хортъ. — Цаберь. — Церень. — Църъ. — Чага. — Чбанъ. — Чеснокъ. — Чпагъ. — Шара. — Шалыга. — Шестинка. — Шея. — Шпильманъ. — Шпиталь. — Шпынь. — Щуръ. — Яруга. — Ясакъ. — Ясырь. 206—216.

III. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. № 174—202.

Статьи: **А. А. Титова**—свѣдѣнія о рѣзномъ крестѣ изъ церкви Никольскаго погоста, Ростовскаго уѣзда (стр. 59); **В. Е. Румянцова**—почему съ половины XVII в. церковныя власти запрещали строить церкви съ шатровыми покрытіями (63); **Д. В. Разумовскаго**—о нотной рукописи 1651 г. (66); **В. Е. Румянцова**—о ходѣ работъ Коммисіи по возобновленію внутренности Московскаго Успенскаго собора (93); **Гр. А. С. Уварова**—о Кутаискомъ соборѣ (101);—отзывъ о брошюрахъ: **Спицына**—каталогъ древностей Вятскаго края и **Мартынова**—Минусинскій публичный мѣстный музей (стр. 2—3); **И. Д. Мансветова**—о сочиненіяхъ **Готтенрота** по древне-христіанскому и византійскому **Миллера**—черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ **Иловайскаго**—о книгѣ **Рафаэля Контрераса** по м (12); свѣдѣнія о двухъ каменныхъ бабахъ, находимыхъ въ **Савромпольской губерніи** (15); **В.** переводъ реферата г-жи **Месторъ** о стилѣ филиппинскихъ находкахъ ломанаго серебра, съ замѣчаніями **Гр. А. С. Уварова**; **Е. В. Барсова**—о кладѣ найденномъ въ **Кіевѣ** пр

71942

302.6
Д 73

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Д. МАНСВЕТОВА

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЫПУСКЪ II и III.

Съ 8-ю полнотипажамъ въ текстѣ и съ 4-мя таблицами снимковъ.

МОСКВА.
1883.

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Инв. № 2442

u

Научно-методический совет
по охране памятников культуры
Министерства культуры СССР

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Инв. № 714

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.
Москва, 4 Октября 1883 года.

Секретарь Общества **И. Мансветовъ.**

ЗАМѢТКА

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ДЕНЬГАХЪ

ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ.

Статья Д. Ч. С. А. Усова.

Въ началѣ 1881 года вышло въ свѣтъ сочиненіе П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго: «Опытъ изслѣдованія по вопросу о деньгахъ Русской Правды»¹⁾. Авторъ, сколько мнѣ кажется, перебравъ всѣ источники и критически разобравъ ихъ, пришелъ во многихъ отношеніяхъ къ положительно вѣрнымъ заключеніямъ: такова относительная цѣнность древнихъ денегъ, т. е. гривны, ногаты, куны, рѣзаны, бѣли и пр. Онъ, такъ сказать, выудилъ все, какъ изъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ источниковъ; но, тѣмъ не менѣе, многое относительно древнихъ русскихъ денегъ,—главнымъ образомъ ихъ происхожденіе, генезисъ,—остается загадочнымъ по прежнему, ибо здѣсь мы должны витать въ области предположеній. Моя замѣтка и есть одно изъ таковыхъ.

I.

П. Н. Дроздовскій въ своей книгѣ приходитъ къ слѣдующимъ тремъ заключеніямъ, которыхъ я только и касаюсь:

а) Первоначально цѣнности назывались скотомъ, потомъ мѣхами и уже наконецъ перешли къ монетѣ, деньгамъ, называвшимся кунами.

¹⁾ Записки Московскаго Университета по отдѣлу Юридическихъ наукъ. Древности IX.

б) Деньги Русской Правды находятся въ такомъ отношеніи: гривна = 20 ногатамъ = 25 кунамъ = 50 рѣзанамъ; ногата = 30 виверицамъ или бѣлямъ; векша самая мелкая единица.

в) Куница и бѣлка (животныя) — не то, что куна и бѣль (цѣнности); ибо эти названія никогда въ рукописяхъ не замѣняютъ другъ друга.

Несомнѣнно, что въ древности, какъ у всѣхъ народовъ, обладавшихъ и обладающихъ многочисленными стадами, и у русскихъ скотъ игралъ роль мѣновой единицы, до введенія денежныхъ знаковъ; но чтобы мѣха замѣнили скотъ, — я не говорю о понятіяхъ, а о словахъ, — этого не могло быть. Слово мѣхъ не употреблялось въ значеніи рухляди, пушнаго товара. Мѣхъ есть цѣльная шкура съ какого либо, преимущественно жвачнаго, животнаго (напр. козла, барана, быка), плотно сшитая, могущая служить для перевозки или храненія жидкостей: это бурдюкъ — въ такомъ только смыслѣ слово мѣхъ употребляется въ церковно-славянскомъ языкѣ; здѣсь волосъ (именно, что цѣнится въ рухляди) не имѣетъ никакого значенія. Поэтому, отъ шкуры, мѣшкомъ стали называть всякое вмѣстилище для сыпучихъ тѣлъ: кожанный, холщевый мѣшокъ и т. п., и только въ современномъ языкѣ мѣхъ получилъ значеніе рухляди. Отсюда — если единица мѣны скотъ замѣнился мѣхомъ (въ теперешнемъ значеніи), то мѣхъ назывался въ древней Россіи не мѣхомъ, а инымъ словомъ, притомъ такимъ или такими, которыми обозначались не мѣха безразлично, а только мѣха цѣнные, на которые былъ спросъ и дома и за границей. Еще классическая литература оставила намъ указанія, что пушной товаръ шелъ съ сѣвера въ Римъ; такъ Сенека хвалитъ густоту и нѣжность лисьихъ и соболиныхъ (*murgium*) мѣховъ, идущихъ изъ Скиѣи. Шубы изъ этихъ шкуръ назывались *кавастанесъ*, — что сблизается съ словомъ кафтанъ, — и торговля ими шла черезъ Черное море ¹⁾. Ни Кіевъ, ни Новгородъ не были богаты пушными звѣрями, ихъ родина сѣверо-востокъ Россіи; слѣд. въ X—XIII вѣкахъ Кіевъ и Новгородъ были лишь конторами, факторіями, откуда остальная Европа могла получать произведенія Русскаго сѣвера. Товаръ по Волгѣ и Дону доходилъ до Кіева, а отсюда въ Византію, по Днѣпру и Черному морю; Новгородъ, владѣвшій всѣмъ побережьемъ Сѣвернаго и Бѣлаго морей, черезъ Регенсбургъ, въ свою очередь, снабжалъ произведеніями Русскаго сѣвера западную Европу. Вотъ два торговыхъ пути и два центра, гдѣ скотъ, какъ цѣнность, замѣнился пушнымъ товаромъ, а потомъ деньгами. И такъ; въ Нов-

¹⁾ G. Semper, Der Stil, 2 Auf l. T 1, p. 101.

городъ и Кіевъ (по преимуществу) происходилъ обмѣнъ пушнаго товара на цѣнности иного рода: на издѣлія европейскаго юга и запада, на золото и серебро, которыхъ оба центра не имѣли сами и получали со стороны.

Трудно, почти невозможно доискаться по нашимъ памятникамъ, какіе именно пушные товары шли изъ Россіи за границу; этого надобно искать въ источникахъ иноземныхъ. Въ нашей рухляди нуждались иноземцы, ими цѣнилась она дороже.

Мѣха служили на европейскомъ западѣ отличіемъ для различныхъ сановниковъ, и ношеніе тѣхъ или другихъ мѣховъ было опредѣлено тамъ законоположеніями. Гереальдика сохранила намъ многое по этому предмету, — вотъ почему считаю нужнымъ обратиться къ даннымъ этой quasi-науки.

II.

Во Франціи первый турниръ былъ устроенъ въ 1066 г. Жоффрау де Прѣлли (Geoffroi de Preuilli), котораго многіе считаютъ первымъ законодателемъ турнирныхъ законовъ. Но въ Германіи рыцарскія потѣхи начались столѣтіемъ ранѣе, и первое законоположеніе для нихъ (legislation des montres d'armes) было сдѣлано Генрихомъ I Птицеловомъ. Какъ бы то ни было, гербовыя, геральдическія правила вполнѣ установились и приняли какъ бы научную окраску во Франціи, гдѣ наука о гербѣ — la science du Blason — хранилась въ теченіи вѣковъ свято и нерушимо ¹⁾, и только подновлена была Наполеономъ I-мъ.

Техническія выраженія гербоваго словаря очень странны, и были предметомъ изслѣдованій многихъ ученыхъ. Намъ не интересны ни формы щитовъ (гербовыхъ), ни ихъ украшенія; важны для насъ такъ называемыя эмали (émaux), т. е. цвѣта, которыми обязательно раскрашивались гербы и названія этихъ цвѣтовъ. Эмалей считается 8, а именно: 2 металла (metaux), 3 цвѣта (couleurs), 3 мѣха (fourrures). Гравюрные знаки (штрихами и точками) изобрѣтены отцемъ Petra Santa, впервые употребившимъ эти знаки въ книгѣ «Tessera gentilitiae».

Металлы: желтый, or — золото и бѣлый, argent — серебро не требуютъ объясненій, — это цвѣтъ самыхъ металловъ.

Цвѣта: красный — gueules — изображается въ гравюрѣ вертикальными штрихами.

голубой — azur — въ гравюрѣ горизонтальными штрихами.

¹⁾ Всѣ данныя взяты мною изъ *Traité complet de la science du Blason*, par Joffroi d'Eschavannes, 1880 г.

зеленый — *sinople* — — — диагональными справа на лѣво (отъ зрителя).

Всѣ эти названія восточнаго происхожденія и означаютъ цвѣта сафьяновъ, крашеныхъ кожъ, которые получались съ азіатскаго востока. Прежде производили *gueule*, названіе краснаго цвѣта, отъ слова *gueule*—пасть у звѣрей. Теперь доказано, что это слово происходитъ отъ тюркскаго слова *ghiul*—роза. Такъ Гулистанъ—страна розъ, и въ русскомъ языкѣ употребляется гуляфная вода вмѣсто розовая вода (при различныхъ богослужебныхъ обрядахъ). Св. Бернандъ пишетъ, что для украшеній одеждъ употребляютъ «*rubicatas pelliculas, quas gulas vocant*».

Azig происходитъ отъ арабскаго *azul*, небесно-голубой цвѣтъ,—изъ чего новогреческое *λαζυριον* и русское лазорь или лазурь. Лазоревый цвѣтъ нашихъ былинъ.

Sinople—названіе зеленаго цвѣта—происходитъ отъ названія города Синопа. Отецъ Menestrier говоритъ, что онъ имѣетъ копию съ рукописи 1400 года, гдѣ находится слѣдующая фраза: «*Synoplum utrumque venit de urbe Synopli, et est bonum; aliud viride, aliud rubicundum. Viride Sinoplum seu Synopum dicitur Paphlagonicus tonos, et rubicundum vocatur Hamatites Paphlagonica*».

Слѣд. на европейскомъ западѣ цвѣтныя кожи получались изъ малой Азіи, и только впослѣдствіи сафьяны Мавританскаго происхожденія измѣнили ихъ французское названіе въ *taoquin*.

Переходимъ къ названіямъ мѣховъ. Эти названія въ данномъ случаѣ представляютъ для насъ наибольшій интересъ.

Черный—*sable*—изображается въ гравюрѣ вертикальными и горизонтальными штрихами.

Бѣлый съ черной разцвѣткой—*hermine*.

Четыре полосы, состоящія изъ небольшихъ колокольчиковъ серебряныхъ и голубыхъ, расположенныхъ въ противоположномъ направленіи,—*vaig*.

Такъ какъ *sable* выражаетъ черный цвѣтъ, то нѣкоторые и производятъ это слово отъ *sable*—песокъ, земля (*terre*); но это толкованіе не выдерживаетъ критики. Вѣрнѣе, *sable* происходитъ отъ немѣцкаго *zobel*, *martre noire*,—русскій соболь. По англійски соболь называется *sable*. Къ соболю и въ нашихъ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ придается эпитетъ «черный.» Соболиныя брови также означаютъ—черныя брови.

Hermine—это горностай, отъ древняго *pelles Hermineae* или *Armeniacae*, откуда итальянское *harmelino*.

Vaig, по извѣстному лексикону Бешерея, есть названіе сѣрой бѣлки *Petit-gris*. Еще Вюффонъ эту разновидность бѣлки считалъ за

особый видъ. Голубой цвѣтъ съ серебромъ, дѣйствительно, соответствуетъ сѣро-голубому цвѣту. Слово *vaig* происходитъ отъ *vivegga*; этимъ именемъ римляне называли ласку, а теперь оно присвоивается настоящему еноту (не рагуну), *Viverra genetta*.

И такъ, геральдика намъ указала, что въ западной Европѣ мѣха соболя, горноста и сѣрой бѣлки цѣнились не только какъ рухлядь, но имѣли значеніе генеалогическихъ отличій.

Эти мѣха могли добываться только съ сѣвера Россіи, что сейчасъ увидимъ изъ краткаго очерка географическаго распространенія поименованныхъ звѣрей.

III.

Зоологическій родъ *Martes* (куницы) для европейской пушной торговли имѣетъ трехъ важныхъ представителей: 1) *Martes abietum*, Алб. маг. куница, 2) *Martes Zibellina*, Л. соболь и 3) *Martes Foina*, Врис. бѣлодушка.

Бѣлодушка распространена по всей умѣренной Европѣ (кроме Сардиніи); ея мѣхъ далеко не представляетъ цѣнной рухляди.

Куница имѣетъ почти то же распространеніе, только идетъ гораздо далѣе на сѣверъ и востокъ. Среднеевропейскіе куньи мѣха имѣютъ низкую цѣнность, — только сѣверъ Европы и востокъ, т. е. западная Сибирь и Кавказъ, даютъ, напротивъ, очень цѣнные куньи мѣха, по цѣнѣ и доброкачественности не уступающіе ни въ чемъ мѣхамъ соболямъ.

Соболь, въ настоящее время, животное исключительно сибирское, притомъ чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ дающее мѣха болѣе дорогіе. К. М. Бэръ ¹⁾ говоритъ по поводу географическаго распространенія соболя: «что соболь, по крайней мѣрѣ теперь, исключительно принадлежитъ Сибири, — объ этомъ едва ли нужно упоминать. Напротивъ, вообще тамъ нѣтъ куницы. Эти животныя исключаютъ другъ друга. Только на Уралѣ, западномъ Алтаѣ и вообще на границахъ Сибири встрѣчаются соболь и куница вмѣстѣ. Болѣе древніе источники утверждаютъ, что онъ нѣкогда водился въ сѣверной части европейской Россіи и даже въ Лапландіи. Но замѣчаемое теперь взаимное исключеніе соболя и куницы не позволяетъ довѣрчиво относиться къ такимъ извѣстіямъ».

¹⁾ Статья К. М. Бэра: *Uebersicht des Jagd-Erwerbes in Sibirien etc.*, помѣщенная въ 7-й книгѣ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, содержитъ превосходно обработанный матеріалъ для нашихъ свѣдѣній о пушной торговлѣ Россіи. Всѣ цитаты на К. М. Бэра и беру изъ этой статьи.

Оба вида—соболь и куница—на столько близки другъ къ другу, что хотя зоологически они хорошо различаемы, но въ шкуркахъ и зоологъ хорошій куній мѣхъ съ трудомъ отличить отъ собольяго. Болѣе нежели вѣроятно, что соболи шкурки плохо отличались отъ кунныхъ до покоренія Сибири. И теперь, по свидѣтельству Палласа, въ мѣстностяхъ, гдѣ эти звѣри сходятся, туземцы не различаютъ ихъ и даютъ имъ одно названіе; напр. въ Верхотурскомъ округѣ соболь и куница называются одинаково—Kidos.

Въ древней Россіи едва ли западно-сибирскіе соболя (едва ли знали восточныхъ) отличались отъ сѣверо-восточныхъ кунницъ торговцами пушнымъ товаромъ. Вѣроятно, шкурки этихъ звѣрковъ, шедшія по восточному Волго-Днѣпровскому торговому пути (факторія Кіевъ), слыли за куньи мѣха (murgium у Сенеки), а шедшія по западному Новгородско-Ганзейскому пути назывались собольими мѣхами. Въ геральдикѣ западно-европейской не видимъ и слѣда кунныхъ мѣховъ; однакоже шкурки сѣверныхъ кунницъ шли черезъ Новгородъ въ западную Европу въ большомъ количествѣ.

У армянъ, крымскихъ татаръ и турокъ оба называются Samur ¹⁾.

Дороже цѣнятся черныя соболя (чаще встрѣчаются за Алтаемъ). Не должно думать, что мѣхъ этихъ соболей дѣйствительно черенъ: собственно черныхъ соболей нѣтъ, подпушь у нихъ всегда рыжеватая, брюшко изжелта-бѣлесоватое; но у такъ называемыхъ черныхъ соболей концы ости черныя, и потому весь хребетъ имѣетъ темный оттѣнокъ, черноватый.

Въ недавно изданныхъ документахъ, касающихся кратковременнаго царствованія Ивана Антоновича, есть извѣстіе, что въ звѣринцѣ отца императора находились куницы, соболь и самуръ; а мы видѣли, что именованъ самуръ называется и куница, и соболь.

Горностаѣй.

Foetorius Erminea, L.—маленькій звѣрокъ, ближайшій къ ласкѣ (Foetorius vulgaris, Briss.), лѣтомъ на спинѣ буро-красноватый съ ржаво-красноватой подпушью, зимою бѣлый, съ бѣлою же подпушью. Во всѣ времена года брюшко бѣлое съ желтоватою подпушью, а конечная половина хвоста совершенно черная. Этотъ звѣрокъ очень сильно распространенъ по всей сѣверной части Стараго свѣта: отъ подножія Пиринеевъ, онъ водится по всей средней и сѣверной Европѣ, по

¹⁾ Отъ слова Samur, вѣроятно, произошло нѣмецкое слово Zimmer, обозначающее 40 собольихъ или кунныхъ шкурокъ.

ятно отъ постепеннаго вѣдренія въ глину, сырѣвшую отъ дождей, или половодій. Многія орудія найдены при самыхъ костяхъ, какъ бы прильнувшими къ нимъ, и были открыты при очищеніи глины съ вынутыхъ костей. Гдѣ кончались кости, тамъ уже не находилось и орудій. Орудія, бывшія въ землѣ рядомъ съ коренными зубами мамонта, такъ слежались, что къ нимъ присохла эмаль зубовъ, въ видѣ желтоватаго тонкаго налета, не отстающаго даже подъ дѣйствіемъ воды (таб. А фиг. 14). Въ коллекціи можно насчитать до 23 такихъ орудій. Въ виду того, что еще восемь лѣтъ назадъ западные археологи держались мнѣнія, будто Россія не представляетъ совмѣстныхъ находокъ слѣдовъ человѣка и мамонта, указанные экземпляры составляютъ осязательное опроверженіе этого мнѣнія и пока еще имѣютъ значеніе рѣдкостей.

Не считая отбивокъ и осколковъ, всѣ найденныя кремневыя орудія приурочиваются къ двумъ главнымъ видамъ: ножей для рѣзанія и скобленія мяса и скребковъ для соскабливанія мяса со шкуры и костей. ¹⁾ Этотъ специальный ихъ характеръ, именно отсутствіе наконечниковъ стрѣлъ, или другихъ инструментовъ, необходимыхъ для поимки и одолѣнія мамонта, ясно показываетъ, что люди имѣли на пепелищѣ только облюбованную стоянку для дѣлежа и ѣды мяса животныхъ; съ этой цѣлью и приготавливали на мѣстѣ орудія, необходимыя для одновременной трапезы, въ большомъ числѣ, вслѣдствіе ихъ хрупкости и соотвѣтственно числу участниковъ. Какъ приготовленные спѣшно и малоцѣнные, всѣ эти ножи и скребки, по насыщеніи тутъ же брошены, или оставлены увязнувшими въ недоѣденномъ мясѣ и сухожиліяхъ близъ костей.

Орудія имѣютъ несомнѣнные признаки палеолитической эпохи; они крупны, сдѣланы грубо, наскоро, получены отъ одного ловкаго удара по тупой грани большого кремневаго ядрища, такъ что задняя сторона отшиба у всѣхъ плоская. Видно вездѣ стремленіе имѣть плоскій, длинный и широкій кремень, съ рѣзущими краями по обѣимъ сторонамъ. Орудій, имѣющихъ грани или обдѣлку съ обѣихъ сторонъ, не найдено ни одного.

¹⁾ И. С. Поляковъ, въ числѣ найденныхъ имъ орудій, усматриваетъ наконечники стрѣлъ и копій. Я не могу съ нимъ въ томъ согласиться. Сомнительна вѣроятность, чтобы лукъ былъ изобрѣтенъ въ столь отдаленную эпоху. Стрѣла можетъ сохранять данное направленіе лишь при строгой симметричности наконечника. Въ моей коллекціи есть подобныя же орудія, но съ сильнымъ искривленіемъ въ ту или другую сторону (таб. А, 2, 5 и таб. В, 31). Орудія, тождественныя тѣмъ кремневымъ, кои г. Поляковъ называетъ наконечниками копій, найдены и кварцитовыя (таб. В, 34, 35, 36), т. е. изъ матеріала наименѣе пригоднаго для цѣлей охоты. Притомъ любопытно знать, насколько кожа мамонта, покрытая еще волосами, доступна паренію каменнымъ орудіемъ.

Ядрищъ, т. е. кусковъ кремня, отъ которыхъ отшиблены орудія, всего пять, величиною 30—55 мм., очень грубой формы. Лучшее изъ нихъ, въ родѣ усѣченной многогранной пирамиды, случайно пропало изъ коллекціи, еще во время производства раскопокъ. Судя по нѣкоторымъ болѣе крупнымъ орудіямъ, ядрища, отъ коихъ они отшиблены, имѣли въ длину больше трехъ вершковъ.

Осколки кремня, находимыя на мѣстахъ древняго производства каменныхъ орудій, имѣютъ обыкновенно столь типичную форму, что для опытнаго глаза сами по себѣ служатъ вѣрнымъ признакомъ присутствія древностей каменнаго вѣка. Въ обширной коллекціи даже нельзя бываетъ рѣзко разграничить осколковъ отъ орудій. Въ большинствѣ случаевъ специалисты ограничиваются мнѣніемъ, что осколокъ могъ служить орудіемъ. Дѣйствительно, по отношенію по крайней мѣрѣ къ палеолитическому періоду, когда ножъ получался однимъ ловкимъ ударомъ по тупой грани кремневаго ядрища, всѣ, въ томъ или другомъ отношеніи, неудавшіеся ножи бросались наравнѣ съ простыми осколками. Потому осколки, представляющіе нѣкоторое подобіе или несовершенную форму ножа, вполне заслуживаютъ, по своей поучительности, сохраненія и присоединенія къ коллекціи. Охарактеризовать ихъ можно такъ. Они продолговаты, задняя сторона ихъ всегда плоская или слегка изогнутая, часто съ выпуклостію подъ точкою нанесенія удара. Лицевая сторона представляетъ одинъ либо два параллельныхъ двугранныхъ угла (фиг. 33, 30—въ обоихъ этихъ случаяхъ осколокъ вѣрнѣе можетъ быть названъ неудавшимся ножемъ),—или же грани расходящіяся, т. е. тупой трехгранный уголъ, который слѣдовало сшибить для сглаживанія поверхности ядрища (фиг. 26, 24, 29). Отбивою могъ быть или очень малъ и потому непригоденъ для дѣла, или болѣе важное препятствіе являлось въ угловатости его рѣжущихъ краевъ, искривленныхъ и незаслуживающихъ подправки, или наконецъ, въ случаѣ потребности въ ножѣ съ остриемъ на подобіе ланцета, ножъ тупой или съ обломанымъ концомъ тоже забраковывался. И такъ, собственно осколокъ есть отшибокъ небольшой, съ краями неправильнаго закругленнаго очертанія и имѣющій на одной сторонѣ трехгранную выпуклость. Прочіе отшибки, не обладающіе всѣми этими признаками, суть переходныя формы къ орудіямъ.

Обивки, иначе сказать, простой кремневый щебень, получавшійся отъ разбиванія желваковъ или отъ сбиванія поверхностныхъ неровностей желвака, покрытаго корою, составляютъ почти треть всѣхъ находокъ кремневыхъ издѣлій. Форма ихъ угловатая, самая неправильная, преимущественно съ частью корки желваковъ.

Орудія (ножи) имѣють представителями въ значительномъ количествѣ обломки, вслѣдствіе хрупкости матеріала, тонкости формы и потому, что лучшимъ экземплярамъ было больше всего работы. Цѣльныхъ орудій, пригодныхъ для работы, сохранилось до 185 штукъ. Изъ этого числа надо выдѣлить въ особую группу собственно ножи отъ 8 до 12 и 12, 3 сант. длиною, отличающіеся или лентовидной формой или ланцетовиднымъ заостреніемъ на концѣ, фиг. 1, 4 и 7. Остальные орудія имѣють въ большинствѣ длину около 1 вершка, и въ виду ихъ формы и грубости сыроу мяса, для питанія коимъ они выдѣланы, ихъ слѣдуетъ разсматривать не какъ рѣзущія, а какъ скребущія орудія. Орудія отбивались очевидно отъ крупныхъ ядрищъ, вершковъ до 3 въ поперечникѣ. Ядрище послѣдовательными ударами обрабатывалось такъ, что представляло снаружи грани тупыя, длинныя, параллельныя между собою, и по формѣ вѣроятно было близко къ многогранной призмѣ или многогранной усѣченной пирамидѣ. Если грань на ядрищѣ имѣла видъ не совсѣмъ правильный, кривой, или была остра, крышеобразна и близка къ прямому углу, то она предварительно подправлялась продольными ударами, дававшими длинныя, занозовидныя осколки, а слѣды этихъ отшибовъ составляли граненую выпуклую поверхность, пригодную быть спинкой орудія (см. фиг. 2, 6, 7, 9, 11, 13, 28 и др.) Орудіе отшибалось отъ ядрища однимъ ударомъ, съ такой ловкостью, что въ точкѣ нанесенія удара не оставалось даже никакого знака, а вся сила уходила на отколъ лентовидной пластинки. Такія операціи возможны, конечно, лишь надъ желваками сырыми, свѣже-вынутыми изъ почвы. Въ отколѣ получалась продолговатая плоскость, ограниченная двумя гранями, кои служили спинкою слѣдующимъ орудіямъ и т. д. Орудія вообще всѣ симметричны; имѣющіяся уклоненія произошли случайно помимо воли мастера, отъ несовершенства или индивидуальной особенности его пріемовъ. Оба края параллельны, но иногда (фиг. 3, 8, 14) къ одному или къ обоимъ концамъ сближаются, и тогда очертаніе орудія напоминаетъ геометрическую фигуру (фюзю), получающуюся отъ пересѣченія двухъ равныхъ круговъ. Лезвія орудій имѣють притупленность и зазубрины, доказывающія, что они были въ дѣлѣ; еще замѣчательно, что многіе даже ножевидные экземпляры со стороны спинки (при концахъ иногда и съ обратной стороны) выправлены и представляютъ лезвія притупленныя (фиг. 4, 8, 10, 13, 14, 15, 31) рядомъ мелкихъ частыхъ ударовъ *). Въ этомъ послѣднемъ обстоя-

* Тезисъ гр. А. С. Уварова (Кам. періодъ, I, 241), что въ палеолитическую эпоху орудія не подправлялись легкими ударами по ребрамъ, оказывается не вполне точнымъ.

тельствѣ нельзя не видѣть новый доводъ въ пользу того, что сырое мясо шло въ пищу въ видѣ (единственно возможномъ) поскребковъ; ибо еслибы мясо было жареное и клалось въ ротъ кусками, орудія съ рѣзущимъ лезвиемъ были бы полезнѣе. Самая форма орудій, съ одной стороны плоская, съ другой выпуклая, какъ нельзя лучше приоровлена къ скобленію и къ держанію ихъ въ щепоти между большимъ и остальными тремя, четырьмя пальцами. Для удобства такого держанія и смягчалась предварительно выпуклость ядрища, предназначенная быть спинкою орудія, ибо на крупной грани (фиг. 1, 5, 21, 31) пальцы, при крѣпкомъ нажатіи, соскальзывали бы къ тому или другому лезвію. Для питанія сырымъ наскобленнымъ мясомъ, какъ я убѣдился изъ произведенныхъ опытовъ, трудно придумать инструментъ проще и удобнѣе палеолитическаго кремневаго ножа. Самое общепринятое названіе ножа здѣсь неумѣстно; не много и не глубоко можно было рѣзать обломаннымъ кремневымъ (фиг. 1, 3, 21) лезвиемъ въ 3—4 сантиметра длиною, растворомъ въ 20—30°, часто еще тупѣе, притомъ безъ всякой оправы въ рукоятку, что несомнѣнно по отсутствію признаковъ прикрѣпленія.

Скребки, 20 штукъ, (фиг. 8—14) съ широкимъ овальнымъ очертаніемъ, длиною въ 4—7 сант. Задняя сторона ихъ тоже плоская, а передняя обдѣланная многими ударами приближается къ сферической выпуклости. Существенный признакъ скребковъ—ихъ тупые тщательно оббитые края, а вѣроятная цѣль—очистка кожъ отъ мяса и, можетъ быть, волосъ.

Острія,—длинные, тонкіе, прямые, иногда слегка искривленные осколки (фиг. 19, 20, 25, 26, 27, 32), имѣющіе въ разрѣзѣ фигуру трапеціи, или неправильнаго треугольника, длиною отъ 1, 5 до 7 сант., шириною въ 5—8 разъ меньше. Изъ 90 экземпляровъ коллекціи около 20 шт. сохраняютъ тонкое трехгранное, шиловидное, или ланцетовидное остріе, придающее имъ особую характерность, иные же почти призматичны. Этотъ сортъ орудій представляетъ одну изъ темныхъ сторонъ доисторической археологіи. Наука не даетъ пока имъ вѣрнаго объясненія. Что они служили иглами при шиваніи шкуръ, инструментами для операцій, татуировки, или вообще для орнаментаціи разныхъ предметовъ, суть остроумныя предположенія, имѣющія смыслъ лишь по отношенію къ находкамъ на мѣстахъ поселенія или стоянокъ. Въ нашемъ случаѣ значительное большинство ихъ суть не болѣе какъ упомянутые занозовидные осколки, получавшіеся при обработкѣ большихъ ядрищъ подъ спинки орудій. Непрерывныя узкія, плоскости замѣтны на ножахъ и скребкахъ (ср. фиг. 2, 6, 7, 9, 19, 28 и др.), получились отъ удаленія этихъ длинныхъ осколковъ. Очень крупныя экземпляры (напр. фиг. 25), вѣроятно, примѣнялись къ какому нибудь

дѣлу, потому что на нѣкоторыхъ можно прослѣдить обдѣлку краевъ мелкими ударами.

Кромѣ кремневыхъ желваковъ и орудій, при костяхъ попадаютъ также булыжные голыши, цѣлые или расколотые клиновидно. Вѣроятно, при помощи ихъ разъединялись и разбивались кости, съ цѣлью добыванія изъ нихъ мозга. Четыре экземпляра съ небольшимъ по вершку длиною, представляютъ грубое подобіе крупныхъ кремневыхъ скребковъ; два изъ нихъ кварцитовые и два діоритовые; на одномъ изъ послѣднихъ слѣды эмали мамонтова зуба, другой плоскій осколокъ пережженъ въ огнѣ. Найдено еще шесть кварцитовыхъ ножей (4—по 1 вершку и 2—по $\frac{1}{2}$ в.), совершенно сходные по величинѣ и формѣ съ кремневыми (фиг. 34, 35, 36). Изъ числа крупныхъ клинцевъ есть песчаниковые. Эти орудія подтверждаютъ замѣченныя попытки примѣнять къ дѣлу другія породы камня, кромѣ кремня.

V.

Значеніе и важность находокъ. Какъ добывалось мясо мамонтовъ. О питаніи падалью. Картина палеолитической трапезы. Вѣроятность обитанія въ пещерахъ.

Описанныя находки принадлежатъ къ важнѣйшимъ въ доисторической археологіи. Наравнѣ съ открытіями 1873 г. у с. Гонцовъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, описанными г. Каминскимъ, и съ открытіями 1877 г. у с. Карачарова въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи, сдѣланными гр. Уваровымъ, находки въ с. Костенкахъ, сдѣланныя въ 1879 году г. Поляковымъ и дополненныя мною въ 1881 г., составляютъ не только первоначальные археологическіе предметы, но любопытныя для каждаго просвѣщеннаго читателя, самыя первоначальныя свидѣтельства бытности человѣка на пространствѣ нынѣшней русской земли, и древнѣе ихъ наука не знаетъ. Всѣ эти находки съ неоспоримой убѣдительною опровергають мнѣніе, еще 8 лѣтъ тому назадъ высказанное авторитетами въ археологіи, гг. Ворсо и Гревинкомъ, — будто въ Россіи человѣкъ не существовалъ въ періодъ мамонта, что колонизація началась съ самой южной приморской части и даже будто вообще Россія заселена позднѣе западной Европы. Теперь гр. А. С. Уваровъ, на основаніи уже первыхъ двухъ находокъ, высказываетъ твердое убѣжденіе ¹⁾, что древнѣйшія времена палеолитической эпохи наступили непосредственно за окончаніемъ

¹⁾ Кам. періодъ I, 119, 159.

ледниковаго періода и составляют настоящее начало первобытной археологіи, что первые слѣды существованія человѣка принадлежатъ періоду мамонта и что выше перечисленныя находки много древнѣе всѣхъ прочихъ, сдѣланныхъ въ западной Европѣ. Открытіями въ с. Костенкахъ совершенно подтверждается мнѣніе нашего почтеннаго археолога, что Россія въ палеолитическую эпоху была обитаема между 50° (с. Гонцы) и $55\frac{1}{2}^{\circ}$ (с. Карачарово) сѣв. широты. С. Костенки лежить, дѣйствительно, между тѣми параллелями подъ широтою 51° .

Замѣчательно сходство въ общемъ типѣ сдѣланныхъ находокъ, свидѣтельствующее, съ одной стороны, объ одинаковости и распространенности обстоятельствъ быта того времени, а съ другой—объ убѣдительной очевидности открытій и точности ихъ описанія.

Въ Гонцахъ, въ Карачаровѣ и въ Костенкахъ изслѣдователи открыли кухонные остатки, и это было ясно для нихъ съ перваго дня раскопокъ. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ трапеза совершалась главнымъ образомъ мясомъ мамонтовъ, съ присоединеніемъ немногихъ другихъ современныхъ ему и частію уже вымершихъ животныхъ. До сихъ поръ неизвѣстно никакихъ данныхъ, разъясняющихъ древніе способы овладѣванія мамонтами. Въ кухонныхъ остаткахъ не найдено ни одного орудія, которое можно было бы признать за наконечникъ стрѣлы или копья, увязнувшій въ мясѣ умерщвленнаго животнаго ¹⁾. Рытье ямъ, куда мамонты будто бы падали во время бѣга и издыхали тамъ, есть только предположеніе, сдѣланное по аналогіи со способами ловли слоновъ у индусовъ. Въ виду чрезвычайной трудности овладѣванія мамонтами, ихъ умерщвленія и расчлененія, сколь бы огромны ни были поселки того времени, изумительнымъ является количество животныхъ, потребное для единовременной трапезы, тѣмъ болѣе, что не видно выбора для ѣды опредѣленныхъ частей организма. Одинъ взрослый мамонтъ,—полагая его въ 200 пудовъ и, слѣдовательно, чистаго въ немъ мяса 100 пуд., съѣденный весь могъ бы напитать слишкомъ шестьсотъ человѣкъ. Мнѣ кажется, затрудненіе весьма упростится, если допустить, что катастрофы ледниковаго періода могли и въ Европейской Россіи губить и замораживать стада мамонтовъ, какъ это происходило въ полярной Сибири; люди же палеолитической эпохи могли выбирать для поселковъ мѣста, изобилующія, кромѣ воды да кремневыхъ желваковъ, и такими естественными запасами провизіи обезпечивающей вѣрнѣе, нежели бродячія стада. Подобно звѣрямъ и собакамъ, питавшимся оттаявшимъ трупомъ Ижиганскаго мамонта, который

¹⁾ Кости прозенныя кремневыми охотничьими орудіями были находимы во Франціи, но принадлежатъ не мамонту (Кам. періодъ, I, 240).

былъ открытъ въ началѣ нынѣшняго вѣка и описанъ Адамсомъ, и первобытные люди могли извлекать куски животныхъ, стаскивать ихъ въ одно мѣсто и упитываться мясомъ лежалымъ и потому не столь твердымъ, сообразно своему вкусу ¹⁾. Трапеза разнообразилась случайно попадавшимися подъ руку изъ многочисленныхъ тогда животныхъ. Если это предположеніе о питаніи трупами погибшихъ животныхъ еще не принято наукой, то оно во всякомъ случаѣ даетъ поводъ не къ большому числу возраженій противъ себя, чѣмъ и гипотеза успѣшной охоты сразу за нѣсколькими десятками мамонтовъ. Въ Костенкахъ изъ перваго открытаго пепелища обследованъ лишь край, но и на немъ засвидѣтельствовано присутствіе разрозненныхъ остатковъ почти двадцати колоссальныхъ животныхъ; въ с. Карачаровѣ еще на меньшемъ пространствѣ оказались остатки 14 мамонтовъ. А будь трапеза результатомъ поимки одного-двухъ мамонтовъ, картина пепелища была бы совсѣмъ иная ²⁾.

Обиліе найденныхъ костей во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу многочисленности и общности населенія. Нахожденіе же костей въ разныхъ пунктахъ селенія, мнѣ кажется, можетъ быть истолковано такъ, что обитатели, въ виду приволья мѣстности, исподволь мѣняли мѣсто ѣды, къ чему они были вынуждаемы разложеніемъ брошенныхъ остатковъ и удушливымъ запахомъ отъ нихъ. Свѣжіе куски отъ тѣхъ же оттаивающихъ труповъ привлекались на другой пунктъ, и питаніе слѣдовало въ принятомъ порядкѣ. Кости мамонта и въ другихъ пунктахъ Костенокъ суть такіе же кухонные отбросы, съ пепелищами или безъ оныхъ, и имѣютъ при себѣ кремневые орудія.

Провизія была собрана къ ручью; на глинистомъ берегу, и люди, располагаясь для ѣды, разводили большой огонь, чтобы грѣться въ воздухѣ, суровомъ отъ не вездѣ еще растаявшихъ льдовъ; огонь могъ быть полезенъ и для другихъ бытовыхъ цѣлей, пока неизвѣстныхъ наукѣ. По исчезновенію угля, еще нѣтъ данныхъ къ опредѣленію породы сжигавшихся деревьевъ. Набравъ желваки кремня и мелкіе ледниковые валуны, люди, грѣясь у огня, начинали дѣлать орудія питанія. Они сбивали съ желваковъ кору (обивки), стараясь придать ядрищу форму призмы, снимали затѣмъ мелкія неровности (осколки, острія); наконецъ, сильными и искусными ударами получали кремневые орудія съ двумя параллельными лезвіями (фиг. 1, 6, 9, 13, 21, 22);

¹⁾ Я не имѣю ничего противъ предположенія, что стадо мамонтовъ могло погибнуть въслѣдствіе умышленнаго загона на обрывы крутыхъ овраговъ, и при морозной погодѣ мясо сохранилось долго.

²⁾ Мы полагаемъ, что гипотеза г. Кельсіева нуждается въ дальнѣйшихъ фактахъ для своего подтвержденія. Д. Ануч.

лезвія эти, для большей прочности, притуплялись рядомъ частыхъ мелкихъ ударовъ съ выпуклой стороны. Попадались подъ руку другіе крѣпкіе камни, діориты, кварциты,—и они шли въ дѣло для приготовления скребковъ. Орудіе человѣкъ бралъ въ щепоть и скребъ сырое, отчасти уже размягченное гниlostью, мясо въ ту сторону, куда была обращена плоская сторона, и поскребки, быстро скоплавшіеся на ней, клалъ въ ротъ или прямо съ кремня, или подхватывая ихъ пальцами другой руки. Мясо всякое употреблялось съ одинаковымъ аппетитомъ, и грубое и нѣжное, и свѣжее и падалъ. При измельченіи его скребками, дѣйствительно, и не могло быть большой разницы. Иныя кости, совершенно оглоданныя, бросались въ огонь, гдѣ и перегорали наравнѣ съ нѣкоторыми, случайно же попавшими въ огонь, осколками кремня и валунами; кости трубчатая, содержащія мозгъ, были разбиваемы большими, клинообразно расколотыми камнями, также и черепъ, при чемъ приходилось выламывать бивни. По насыщеніи ¹⁾, орудія оставались или просто брошенными на землю, или увязнувшими въ недоѣденномъ мясѣ. Присутствіе овальныхъ скребковъ (фиг. 8, 10, 13) даетъ поводъ къ предположенію, что на мѣстѣ трапезы производилась и выдѣлка шкуръ, нужныхъ для жилья и одежды. Посуда не была изобрѣтена, и отъ эпохи мамонта не найдено еще ни одного посуднаго черепка. Затвердѣніе глины подъ дѣйствіемъ огня могло наводить на мысль о пригодности глины къ разнымъ подѣлкамъ, что и подтверждается находками въ другихъ мѣстахъ ²⁾.

Кромѣ присутствія проточной воды, кремневыхъ желваковъ и тѣхъ или другихъ удобствъ въ добываніи пищи, человѣкъ палеолитической эпохи, какъ по преимуществу пещерный обитатель, селится у подножія мѣловыхъ скалъ, вѣроятно, еще и потому, что находилъ тамъ трещины, разсѣлины, пещеры, удобныя для убѣжища. Нынѣшній уровень долины Покровскаго ручья въ с. Костенкахъ много выше доисторическаго, вслѣдствіе наносовъ, наростанія чернозема и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе постепеннаго разрушенія самихъ скалъ, ссыпающихся книзу мѣловой щебень и гальку. Въ этомъ направленіи не сдѣлано еще никакихъ археологическихъ попытокъ, а вопросъ заслуживаетъ вниманія, ибо въ пещерахъ не рѣдко погребались ихъ обитатели; находка же скелета или черепа человѣка современнаго мамонту имѣла бы для науки интересъ чрезвычайный. Нигдѣ подобныхъ вещей до сихъ поръ еще не открыто и къ сужденію о строеніи пер-

¹⁾ По наблюденіямъ лондонскаго физиолога Певы, для насыщенія человѣка нерабочаго, при питаніи однимъ мясомъ, нужно послѣднее ежедневно въ количествѣ 6 фунтовъ; въ смѣси съ хлѣбомъ—только $\frac{3}{4}$ фунта.

²⁾ Кам. періодъ I, 237.

древности IX.

вобытнаго челоуѣка мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ. Описанныя здѣсь находки освѣщаютъ намъ только картину питанія. Нынѣшніе Костенки служили древнему многочисленному населенію поприщемъ существованія продолжительное время; въ виду счастливой сохранности культурныхъ остатковъ, сюда и должны быть направлены усиленные средства современной науки для выясненія прочихъ моментовъ древняго быта.

VI.

Неолитическія орудія. Лѣвый берегъ Дона.

Человѣкъ каменнаго вѣка, какъ не скотоводъ, устроившись на одномъ мѣстѣ, не имѣлъ натуральныхъ поводовъ къ перекочевкамъ. Дѣйствительно, продолжительное обитаніе побережья Дона въ семь мѣстъ подтверждается случайными находками горшечныхъ черепковъ и орудій неолитической эпохи. Истощеніе ископаемой провизіи, трудности охоты и вѣроятная борьба съ новыми ордами переселенцевъ вызвали потребность въ кремневыхъ кинжалахъ, наконечникахъ стрѣлъ и копій, непремѣнной принадлежностью коихъ является строгая симметричность въ обѣихъ сѣченіяхъ (иначе стрѣла или дротикъ не могли бы сохранять даннаго направленія), тщательная обивка съ обѣихъ сторонъ, заостреніе и признаки прикрѣпленія ко древку. Можетъ быть, и пища стала употребляться въ пищу жареная, удобная къ сѣданію безъ инструментовъ; потому кухонныя орудія палеолитической эпохи, при всей ихъ практичности, выходятъ изъ употребленія и смѣняются орудіями охоты.

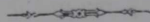
Выше было сказано, что находки древностей бываютъ и на противоположномъ берегу Дона. Г. Поляковъ, поминая о нихъ, не указалъ однако пунктовъ. Лѣвый берегъ, сравнительно, низкій, отлогій, песчанистый. Мы съ г. Гарденинымъ сдѣлали туда двѣ спеціальныя прогулки и обслѣдовали его отъ моста въ ту и другую сторону версты на двѣ. Близъ моста, влѣво и далѣе къ сѣверу версты на полторы до Костенскаго хутора, въ размывахъ на 1 аршинъ, подъ черноземомъ обнажаются старыя лошадиныя кости и черепки горшковъ, узорчатые, очень разнообразныя и любопытныя. Вправо отъ моста, на песокъ, заросшемъ травой и покрываемомъ ежегодными разливами Дона, попадаются мелкія кремневыя неолитическія орудія разной формы, темно-роговаго цвѣта и сохранившія прозрачность и, цѣликомъ или мѣстами, потускнѣвшія. Въ 1 часъ тремя людьми собрано 12 штукъ. Согласно извѣстной теоріи передвиженія рѣкъ, подтверждаемой здѣсь высотой и крутостью скалъ со стороны села, русло Дона, какъ текущаго по направленію къ экватору, должно было въ древности про-

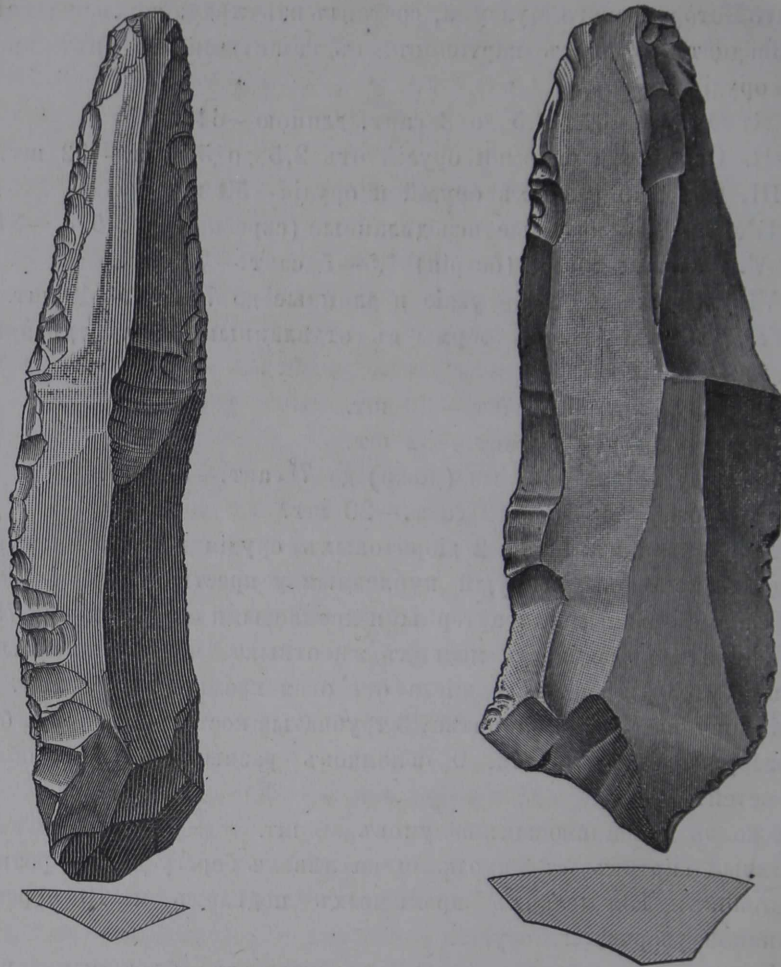
лежать восточнѣе и нынѣшнія находки орудій на лѣвомъ берегу суть, можетъ быть, лишь перемытые остатки доисторическихъ поселеній праваго берега.

Коллекція, добытая мною въ с. Костенкахъ для Императорскаго Россійскаго Историческаго Музеума, состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

Двѣнадцать темныхъ картоновъ, съ нашитыми на нихъ кремневыми орудіями:

- I. Осколки отъ 1,5 до 3 сант. длиною—64 шт.
 - II. Осколки и обломки орудій отъ 2,5 до 5 сант.—52 шт.
 - III. Обломки разныхъ орудій и орудія—50 шт.
 - IV. Осколки крупные необдѣланные (скребки) до 8,5 с.—31 шт.
 - V. Осколки тонкіе (острія) 1,5—5 сант.—76 шт.
 - VI. Осколки и орудія узкіе и длинныя до 7 сант.—40 шт.
 - VII. Скребла разной формы съ отдѣланными и неотдѣланными краями—28 шт.
 - VIII. Орудія до 5,5 сант.—39 шт.
 - IX. Орудія до 6,5 сант.—32 шт.
 - X. Орудія листовидныя (ножи) до 7 сант.—36 шт.
 - XI. Ножи отъ 6 до 12 сант.—20 шт.
 - XII. 8 кварцитовыхъ, 2 діоритовыхъ орудія и 4 кремневыя ядрища, 7 кремневыхъ орудій купленныя у крестьянъ.
- Чашка съ разными характерными кремневыми обивками—до 75 шт.
 Неопредѣленныя кости мелкихъ животныхъ, челюсть лисицы, косяной уголь и растрескавшіеся отъ огня кремневые осколки.
 Мамонтовыя кости: лопатка, 3 трубчатыя кости, позвонокъ, бабки, 9 разрушенныхъ зубовъ, 9 обломковъ разныхъ бивней, обломки челюстей.
 Осколки песчаниковыхъ валуновъ—6 шт.
 Бѣлый картонъ, съ находками на лѣвомъ берегу Дона, противъ с. Костенокъ: 13 мелкихъ кремневыхъ подѣлокъ и 19 черепковъ глиняной узорчатой посуды.
 Прилагаемыя таблицы А и В изображаютъ нѣкоторыя наиболѣе типичныя изъ описанныхъ орудій.

Самыя большія орудія изъ раскопокъ въ с. Костенгахъ въ 1881 г.
См. стр. 172, также картонъ XI.